

довка Мириам Флит, проживавшая ранее в доме № 13 по Софиевской, скрывается на Слободке, в доме № 30 по Гоголевской улице, и приводят много другой "полезной" информации, в том числе и о людях, помогающих ей скрываться.

Ксерокопии всех этих, иногда многостраничных, доносов хранятся в нашем архиве и частично приведены в книге "Город Антонеску".

Б. К.

— Помнится, уже опубликованы были две первые ваши книги, когда вы съездили в Одессу, посетили места своего детства в оккупированном городе. Это нужно было для книги, которая сейчас выходит?

В. Т., Я. В.

— Это нужно было для нас, особенно — для нашего сына Саши, который поехал с нами. Мы не думали тогда о книге... Нет, не так. Мы не переставали о ней думать. Внутренняя работа над ней шла непрерывно, эта книга как бы созревала в нас. Разумеется, какую-то подзарядку для нее Одесса тогда нам дала.

В. Т.

— Я вспомнила один эпизод тех дней. Когда мы вошли в одесскую тюрьму, она представляла собой, как нам объяснили, "действующий объект, в котором содержатся особо опасные преступники — грабители и убийцы". Грабителей и убийц, естественно, охраняли особые надсмотрщики — дюжие парни весьма устрашающего вида. Эти надсмотрщики во избежание неприятностей были приставлены и к нам.

Мы вошли в здание тюрьмы, на "круг", и подошли к тому месту под лестницей, где, как я помнила, ребенком пряталась от убийц-окупантов. И, наверное, разволновалась. Стала плакать. Тогда один из надсмотрщиков — огромный белокрысы парня — протянул мне кружку с водой и сказал: "Попей, попей, дочка!" Он так и сказал: "дочка". Хотя вполне мог бы сказать "бабушка".

Услышав это невероятное обращение, я как-то сразу пришла в себя, взглянула на этого человека и именно тогда усекла, как он молод и белокрыс и какие у него добрые синие глаза.

А теперь, вспоминая тот эпизод, я все думаю, какое удивительное существо — человек! Как в одном и том же человеке может ужиться жестокость (не случайно же стал этот парень надсмотрщиком в тюрьме) и доброты (не случайно же он назвал бабушку дочкой)...

Б. К.

— А я вспомнила сейчас генерала Александра Иулиановича Галинского, главного начальника тюремного ведомства Одесской области, который помог вам тогда получить допуск в место заключения девочки Ролли и ее родных. Я познакомилась с генералом, когда он прилетал по делам в Израиль. Впечатлили ордена с изображением наших древних Храмов, Первого и Второго, на его груди. Такие награды, как выяснилось, были учреждены в Украине в честь возрождения там еврейской общины. А вот за что получил их он, Галинский, сын родителей, помогавших в войну партизанам и спасавших евреев, удалось узнать не сразу. Генерал долго отнекивался, а когда, наконец, "расколосился", выяснилось: за то, что заключенные-евреи в подведомственных ему заведениях получают при желании кошерную пищу и возможность не работать в субботу. Так почему он так долго уклонялся от ответа на вопрос о наградах? А потому, ответил генерал, что хвалиться как-то неудобно. Чем тут хвалиться — что ты нормальный человек? Вот вам еще один нетипичный "мент".

Пора, однако, завершать наше интервью. Задам последний, традиционный для меня вопрос. О чем, для вас важном, я не спросила? У вас есть ответ, хотя вопрос не прозвучал?

В. Т., Я. В.

— Мы пишем по-русски, однако наши книги, публикации о них, выходят и на других языках. Так, книга "Сталин. Тайный сценарий начала войны" вышла в Израиле на иврите — под красноречивым названием "Блеф". Перевод сделал известный писатель Эфраим Баух. Книга "Город Антонеску" выходит в издательстве "Фолио" на русском и на украинском. Эта книга далась нам нелегко — нам как будто пришлось вновь побывать в "городе Антонеску", пережить наше детство. Но мы счастливы, что сумели завершить этот труд и сказать правду о черных днях нашего города.

Всю правду и только правду, без политических предпочтений, без оглядки на утверждения историков, без страха перед людским и Божьим судом. Без ненависти и только с любовью. С огромной любовью к нашему родному городу Одессе и к его детям — одесситам, рассеянным сегодня по всему свету.

Владимир ТАЙХ

Двенадцатый

Меня поднимали, переворачивали, крутили, играли мною, как дети куклой, которая их раздражает, потому что порядком надоела. Я слышал их голоса, больше догадывался, чем чувствовал уколь шприцев то в руку, то в ягодичи, не понимая, о ком они говорят и кого колют.

— Квизилетаргическая кома, ишемия головного мозга. Звони, звони, Зиночка. Может, какой-нибудь стационар примет.

— Уже семь отказалось. Восемь. Девять... берут!

— Тогда летим мухой. В Алтуфьево. К профессору Семитко. Хорошая больница.

— И фамилия доктора подходящая.

Сирена мешает думать. Я совсем не плохо себя чувствую, говорю об этом врачам, но вскоре понял: они не слышат меня, я говорю мысленно, без звука, как говорят инопланетяне в фантастических романах — слова идут из мозга в мозг собеседника, минуя стадию звука. Инопланетянин! А ещё я чувствую свою голову не там, на плечах, где обычно она была, а дальше, примерно, в метре от туловища. Оттуда и доходят слова, мысли, видения.

Телевизор почему-то стоит ко мне боковой стенкой. Голос диктора: "Посмотреть на редкое явление — первого инопланетянина на Земле — прибыл сам Генеральный секретарь великий Брежнев".

Пространство начали заполнять широкие туловища в пиджаках, но вот они расступились, на авансцену вступил квадратный вождь. Слева на груди — четыре золотые звезды. Ассоциация с коньяком. Вот сейчас бы... Вокруг вождя мельтешит некто с острой мордочкой. Суходрев, личный переводчик. То в одно ухо шепнёт, то во второе, то в затылок. Ильич же ничего не понимает. Сказать ему... но, боже, забыл, совершенно, позорно забыл имя вождя. Отчество помню, имя... хоть убей. Молчу.

А Ильич потерял ко мне всякий интерес, повернулся к Суходреву — нос к носу, беседуют. Слышу:

— Ему переводить не надо, эти гады все по-русски где-то выучились.

— А почему у него метровая шея?

— Учёные считают: марсианская конструкция.

Вот Суходрев стал ему долго что-то втолковывать, ритмично маша руками, будто репетируя с ним речь. Вождь в такт кивал подбородком.

Наконец, он жестом остановил переводчика и повернулся ко мне фасадом. Направил палец на меня, но глаза скосил к Суходреву:

— Товарищ — марсианин?

Боже! Знакомые до слёз интонации брежневского голоса и говора. Десятки поклонников от Хазанова до Галкина пытались повторить нотки этого голоса-шедевра. Что-то получалось. Но подражатели в любой области никогда не добивались высот оригинала.

А в это время моя какая-то периферийная часть мозга мучительно пыталась вспомнить имя. Его имя. Решил перебирать, начиная с буквы "а".

— Александр Ильич, Андрей Ильич, Арнольд... нет, не то.

— Борис Ильич, Бенедикт... нет

— Василий, Виктор, Васисуалий...

Я уже подходил к букве "л", когда услышал:

— Леонид Ильич, задайте вопрос гуманно!

Вождь поднял подбородок, расправил плечи. И сказал. Как сказал!

— Вопрос. Есть ли жизнь на Марсе? Аплодисменты.

Моего ответа он, естественно, не услышал. Суходрев на ушко:

— Так он же живой. Это косвенное свидетельство того, что жизнь на этой планете, скажем так, не исключена.

— Совсем ты, Витёк, зарепортовался. Какая жизнь, какая планета?

Расступились, в образовавшемся коридоре растяла спина вождя.

А я вспомнил случай, впрямую аналогичный сегодняшнему. Леонид Ильич спросил у какого-то высокого американского деятеля, и тоже с подачи Суходрева. Чтобы показать уровень интеллигентности:

— Do you speak English?

И это будто бы сочли за блестящий образец остроумия.

Всегда знал, что это было. А теперь вдруг усомнился. Не анекдот ли это?

Вдруг всё как-то резко изменилось. Я понял: смолкли сирены, меня вынули и повезли. Вот и реанимация, койки на колёсах. Хитрые рычаги и рукоятки. Между коек снуют ангелы — девушки, тонкие, как стебельки, и с милыми личиками.

— Ничего удивительного, — решил я. — Каковы девушки в городе, таковы и в лечебных заведениях.

Поставили капельницу, на тумбочку какой-то телефон со слабо светящимися в темноте цифрами.

— Миленский, если что, нажми на любую клавишу или на все сразу. А чтобы не вставать в туалет, вот тебе... две штуки, ставлю на табуретку.

И ушла. Прелестное видение. А сосед слева уже напевал: "Летят утки, летят утки..."

"И два гуся", — беззвучно подпевал я.

В реаниматорской темно. Я проваливаюсь куда-то, возвращаюсь непонятно куда, перед глазами — слабо светящиеся цифры на клавишах.

1 2 3

4 5 6

7 8 9

День от ночи отличается лишь более интенсивным полётом белых ангелов. Ловлю обрывки их фраз, иногда любопытные:

— Вы не в гадюшнике, вы в КГБ. (Ничего себе!)

Один раз конкретнее:

— У нас, в КГБ № 81, порядки устанавливает руководство. (Вот те раз!)

Старческий голос, почти сварливый:

— Третья хорошая "кардиограмма", значит, выбрался. Бог троицу любит.

Троица, три! Число, которое в сознании живущих со мною в одной стране считается счастливым. Три и кратные ему. Два по три, три по три, двадцать три по три... Может, и моё спасение в этой цифре. Но как? Как получить сигнал Оттуда? Сигнал, пусть не обещающий, но хоть дарящий надежду. Надежду на возвращение в обычную, будничную, для многих скучную, клытую, но такую притягательную, сладкую жизнь.

Я утомился, уйду Туда, возвращаюсь. Всё так же перед глазами тускло светящаяся клавиатура.

1 2 3

4 5 6

7 8 9

Господи, но это же цифры! Вдруг в них послание тебе, дураку? Вот первая строка — число 123. Кратно ли оно трём? Цифры должны крутиться в моей голове впереди лежащей голове. И результат! Да! Да! Да! 123 = 41 x 3. Какое облегчение, блаженство. Засыпаю.

Пробуждение фиксирую лишь появлением мерцающей клавиатуры. Надо идти дальше. Вторая строка — число 456. Это потруднее. Эх, был бы калькулятор. Но надо взять и эту вершину. Цифры в голове прыгают, как в старом арифмометре, иногда пропадают. Приходится начинать заново. И вновь победа! 456 = 152 x 3. Yes! Мысленно сжимаю кулак, и... вот оно — показалось, что моя бедная голова лежит уже чуть ближе.

Который день я здесь? Красавица, умопомрачительно изогнувшись, подлила что-то разноцветное из трёх пузырьков в мою капельницу. А я мужественно приступил к третьей горизонтальной строке. 789! Цифры, как бешеные, выпрыгивают из моих глаз и запрыгивают назад, рана и без того саднящую роговичу. Эту победу я воспринял спокойнее. Каково! 789 = 263 x 3. Все три горизонтальных числа кратны трём — три вести мне, дарящие Надежду! И я пошёл дальше. Взглянул горизонтальные числа справа налево 321 = 107 x 3, 654 = 218 x 3, 987 = 329 x 3.

Это уже пахло научным открытием. И я решился. Решился на штурм этого математического Монблана! Взглянул за вертикальные колонки цифр. Голову стал ощущать почти в нужном месте. Если бы мог двигать руками или головой, потрогал бы её.

Неделю я потратил на это исследование. Чувствую, что если я ещё не сравнялся с Перельманом, то где-то мы уже рядом. Он на "П", а я на "Т". Как вы уже догадались, все три вертикальных числа, читаемые сверху вниз, как и снизу вверх, оказались кратны трём. Факт научный! Открытие!

Я блаженствовал! Но скоро понял, что настоящий учёный не может долго почитать на лаврах, надо двигаться и двигаться по ведущей к небу лестнице. И я взял цифры по диагонали. 357, и 159, и 753, и 951. Победа! Это была цепь триумфов. Меня преследовало везение. Трёхзначные числа-птички 153 и 351, 957 и 759 — все не вышли за рамки концепции.

Осталось последнее. Почему-то я уверовал, что в математике целое должно аккумулялировать свойство всех его частей. Это было форменным сумасшествием, но отступить было некуда. Это уже было не ради своей частной жизни, а для вечности, для Науки! И хо-

тя это было сверх моих сил, я готов был к подвигу и свершил его.

Я поставил перед моим взором девятизначное число 123456789 и неделю в уме, в остатках ума, делил его на три. И победил, вот результат: 41152263. И апофеоз: второе девятизначное тоже сдалось — 987654321 : 3 = 329218107. В правильной теории не может быть исключений! Держись, Гриша!

Мой ангелок в прелестной позе подливал мне жижи в капельницу, запах её духов ошеломил. Я смотрел на неё и улыбался во весь рот. Она взглянула на меня, но вместо ответной улыбки поблелела и изобразила смертельный испуг. Будто увидела чёрта, гуляющего по преисподней.

— Доктор, доктор, — закричала она. — Нина Кузьминична, позвоните доктору, больной очнулся.

Вокруг меня собрался весь персонал реаниматорской.

— Ну что, оклемался, касатик? — тот самый сварливый голос, теперь добрый и ласковый. — Доктор велел везти тебя к нему в отделение. Это на четвёртый этаж. Э! Да ты и говорить стал? Так вот, всего этажей семь.

Из лифта покатали в палату. Кроме меня, ещё двое. Поздоровались, я назвался. Оказалось, все трое Владимирсы. Ещё одно знамение. Троица. Профессор не вошёл, влетел. Молодой человек с курчатовской бородкой.

— Господи, так вот ты какой, мой двенадцатый с таким диагнозом. А как лечить человека в коме, когда он без сознания, без чувств, без еды и питья? А ты-то небось как изумился, неожиданно открыв глаза? Вдруг оказалось: ты в больнице. Как попал?

— Да нет, профессор, я всё время был в сознании, все понимал, только не мог ни говорить, ни шевелиться. И всё видел и слышал.

— Потрясающе! Это для меня открытие огромной важности. Думаю, что это сообщение поможет выработать методику лечения твоей хвори, что пока ещё не имеет названия. Тебя питали через капельницу, переходил на нормальный способ питания. Завтра я соберу тройку (!) специалистов, будем беседовать, запишем твой рассказ. Это встряхнёт московскую, да и российскую медицину. В первый раз такое, и у нас, в 81-й!

— В КГБ 81-й?

— В каком КГБ? А... нуда! В клинической городской больнице № 81. Ниночка, Джамия, на вас надежда. Вы должны быстро и грамотно адаптировать его к обычному способу питания.

Через три дня в кабинете профессора меня встречали кроме него две дамы и пожилой профессор из первой медакадемии. Дама-невролог была юна и ослепительно красива.

— Эх, милый, вы ничегошеньки не поняли. Вы первый, оставшийся в живых, и вышли из той квазилетаргической комы только благодаря той нечеловеческой работе мозга, создавшей напряжение такой силы, что все элементы продуктов отравления были вытеснены из коры полушарий и гипофиза. Ваше сообщение о том, что больной всё слышит и понимает, бесценно.

Вывод: параллельно с медикаментозным необходимо опробовать методы внушения, сильного внушения, гипноза. Нужно спровоцировать больного на работу мозга, близкую к панике. Устроить аврал, всеобщий аврал, чтоб все клетки работали через силу. Почти на разрыв. Потом уже искать способы купировать состояние сверхвозбуждения.

Вам, девочки, с лхвхой на две диссертации. Ну а ваши дела как, больной?

— Начал есть с удовольствием больничные щи и тушёную капусту.

— Идите, отдыхайте. Нам ещё думать, много и долго думать.

Через неделю попросил его выписать меня. Устал от анализов крови и энцефаллограмм.

— Нет, дорогой. Мы ещё не готовы расстаться с тобой. Потерпи.

Дня через три я шёл за ним по коридорам отделения. Задать вопрос ему не было возможности. Только я открываю рот, звонит его телефон. Отвечает он кратко, но телефон звонит снова и снова. Уже на пороге его кабинета. Звоню.

— Да, Семитко, Сергей Петрович. Нет, не Пётр Сергеевич, наоборот. Тогда бы...

— Тогда бы вы были Антисемитко.

Выпалил я и смотрел на него с открытой, почти наглой улыбкой. Он выключил телефон и пристально уставился мне глаза в глаза, будто выживая признаки издёвки. Я улыбался почти лучезарно.

— Вы правы, друг, хамство — первый признак выздоровления. Звоните родным, завтра я вас выписываю.